

Аспекты изучения ономастикона Н. С. Лескова

Одним из первых ученых, кто поднял вопрос об отношении Н. С. Лескова к именам собственным, был Л. П. Гроссман. По его мнению, на творчестве писателя не могла не сказаться та среда, в которой он вырос: «К впечатлениям детства относятся столь детально развернутые впоследствии Лесковым сведения о происхождении фамилий русского духовенства» [Гроссман, 1945, 272].

Обзор фамилий персонажей и заглавий произведений Н. С. Лескова вынесен в отдельные рубрики в монографии В. Гебель «Н. С. Лесков. В творческой лаборатории». Автор утверждает, что «фамилии и имена действующих лиц, так же как и заглавия и эпиграфы, подготавливались писателем обычно еще до написания произведения» [Гебель, 1945, 108].

Одной из центральных тенденций всего творчества Н. С. Лескова является стремление писателя к документализации для достижения эффекта правдоподобности. Это доказывается в работах исследователей, касающихся и ономастической системы писателя, например, Р. М. Алексиной, А. М. Лужановского, Н. Шахова [Алексина, 1997; Лужановский, 1980; Шахов, 1990], а также других, которые отмечают приверженность Н. С. Лескова к автобиографическим онимам.

А. Б. Пеньковский считает, что Н. С. Лесков продолжает традицию использования имен собственных для обозначения абстрактных понятий, действий или предметов, ср.: «Нельзя всем построить собственные домики и безмятежно жить в них, пока двужильный *Захват Иванович* сидит на большой коробке да похваливается, а свободная человеческая душа ему молится». Этот же прием именования встречается в творчестве многих русских классиков. Например, у Н. В. Гоголя профессиональный шулер Ихарев называет свою колоду крапленых карт *Аделаидой Ивановной* [Пеньковский, 2004, 320].

Одним из быстро развивающихся направлений филологии последнего десятилетия стало изучение «евангельского текста» в литературе. Ономастика здесь дает ценнейшие наблюдения и способствует более полному прочтению творческого наследия Н. С. Лескова, см. работы, посвященные анализу онимов Н. С. Лескова в свете религиозных представлений [Барковская, 2002, 2004, 2005; Долженков, 2002; Пушкарева, 2000; Хмелева, 2004].

В настоящее время почти все исследования направлены в основном на антропонимикон текста, ср., однако, анализ названия иконы *Благое молчание* как лингвистического средства выражения авторского подтекста в повести Н. С. Лескова «Очарованный странник», осуществленный В. В. Наседкиной, а также работу «Наименования икон в произведениях Н. С. Лескова» Л. Ю. Еловской [Наседкина, 2006; Еловская, 2001].

Особо отметим исследование Ю. Н. Ковалевой «Онимы как средство формирования концепта “путь” в повести Н. С. Лескова “Запечатленный ангел”» [Ковалева,

2002], в котором затрагивается одна из актуальных проблем ономастики – хронотопичность онимов в художественном тексте. Автор приходит к выводу, что любой сакральный оним хронотопичен, так как восходит к Священной истории, которая отражает процесс реализации воли Провидения, ведущего людей к объединению и, в конечном счете, к спасению, что и составляет содержание концепта «путь» в повести Н. С. Лескова.

Прозвищные наименования персонажей Н. С. Лескова рассматриваются в работах [Гебель, 1945; Евсеенко, 2002; Кузьмин, 2003; Лихачев, 1987; Мудрова, 2002].

Ярким доказательством возросшего интереса к ономастической системе писателя является немалое количество исследований по онимам Н. С. Лескова – более сорока (по данным библиографического указателя [Ковалев, 2006]). Несмотря на это, А. А. Фомин, сопоставив работы по авторам одного периода, пришел к выводу, что проза Н. С. Лескова в ономастическом плане изучена слабее, чем проза Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, М. Горького. Заполнение этой лакуны, по его мнению, – дело будущего [Фомин, 2004, 116].

Алексина Р. М. Орловские источники сюжетов Лескова (по документам государственного архива Орловской области) // Неизданный Лесков: В 2 кн. Кн. 1. М., 1997. С. 594–611. (Литературное наследство. Т. 101).

Барковская Ю. В. Тенденция в выборе имени библейского героя («Гора» Н. С. Лескова) // Тенденции в системе номинации и предикации русского языка. М., 2002. С. 208–211.

Барковская Ю. В. Имя Господа Иисуса Христа на страницах Н. С. Лескова // Язык. Культура. Личность: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. «Язык и культура в контексте культуры»: В 2 ч. Ч. 2. М., 2004. С. 79–81.

Барковская Ю. В. Мифологические и христианские имена собственные в поздних текстах Н. С. Лескова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.

Гебель В. Н. С. Лесков в творческой лаборатории. М., 1945.

Гроссман Л. П. Н. С. Лесков: Жизнь – Творчество – Поэтика. М., 1945.

Долженков П. Н. «Запечатленный ангел» Н. С. Лескова: «Очеловеченное евангелие» // Филологические науки. 2002. № 2. С. 233–260.

Евсеенко Т. В. Прозвищные наименования в произведениях Н. С. Лескова // Начало пути. Сб. науч. работ молодых ученых и аспирантов филол. фак-та ВГУ. Воронеж, 2002. Вып. 1. Языкознание. С. 20–24.

Еловская Л. Ю. Наименования икон в произведениях Н. С. Лескова // Средства номинации и предикации в русском языке. М., 2001. С. 149–151.

Ковалев Г. Ф. Библиография ономастики русской литературы. Воронеж, 2006.

Ковалева Ю. Н. Онимы как средство формирования концепта «путь» в повести Н. С. Лескова «Запечатленный ангел» // Ономастика Поволжья: Тез. докл. IX международной конференции. Волгоград, 2002. С. 70–72.

Кузьмин А. В. Инородец в творчестве Н. С. Лескова: проблема изображения и оценки. СПб., 2003.

Лихачев Д. С. Особенности поэтики произведений Н. С. Лескова // Лихачев Д. С. Избр. работы: В 3 т. Л., 1987. Т. 3. С. 327–337.

Лужановский А. В. Документальность – жанровый признак рассказов Лескова // Вопр. литературы. 1980. № 4. С. 144–150.

Мудрова Н. В. Поэтика онимов повести Н. С. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда» // Ономастика Поволжья. IX. Волгоград, 2002. С. 61–63.

Наседкина В. Н. О лингвистическом выражении авторского подтекста в художественном произведении. (На материале повести Н. С. Лескова «Очарованный странник») // *Русская классика: проблемы интерпретации. Мат-лы XIII Барышниковских чтений.* Липецк, 2006. С. 300–305.

Пеньковский А. Б. Очерки по русской семантике. М., 2004.

Пушкарева В. С. Христианская символика имени героя в повести Н. С. Лескова «Очарованный странник» // *Литература и христианство.* Белгород, 2000. С. 59–61.

Фомин А. А. Литературная ономастика в России: итоги и перспективы // *Вопр. ономастики.* Екатеринбург, 2004. № 1. С. 108–120.

Хмелева О. М. Библейские имена в концептуальном пространстве «Соборян» Н. С. Лескова // *Проблемы региональной ономастики.* Майкоп, 2004. С. 244–247.

Хмелева О. М. Ономастикон «Соборян» Н. С. Лескова // *Филология, журналистика, культурология в парадигме современного научного знания.* Ставрополь, 2004. Ч. 2. Лингвистика. С. 144–146.

Шахов Н. Н. С. Лесков и Курский край // *Политический диалог.* 1990. № 24 (1078). С. 17–21.

Н. С. Ганцовская
Кострома

Костромской акающий остров в свете этнолингвистических данных

Костромской акающий остров (КАО) представляет собой ту часть русских говоров, статус которых, особенности формирования и взаимодействия с окружающим большинством возможно понять только при комплексном изучении их языковых и этнокультурных особенностей. Тогда становится решаемой «загадка» появления и многовекового существования этого инстратного акающего включения с афронтальными территориальными и менее определенными временными границами в «море оканья». Этнолингвистический анализ делает жизнеспособной гипотезу о глоттогенезе и этногенезе КАО, связанную с событиями Смутного времени на Руси и выдвинутую впервые деятелями МДК Н. Н. Виноградовым и Н. Н. Соколовым [Виноградов, 1918; Соколов, 1917], и подтвердить мнение о смешанном характере говоров КАО – севернорусском его основы (все ярусы системы, кроме безударного вокализма) и южнорусском наслоении (аканье и яканье) – подобном говорам Подмосковья. Другие гипотезы появления изолированного аканья в глубине северновеликорусского наречия (документами это зафиксировано лишь с 20-х гг. XVII в.) рассматриваются нами или как несостоятельные, или как дополнительные по отношению к основной причине.

Ареальная этнолингвистическая характеристика помогает не только уточнить статус тех или иных говоров в диалектной системе языка, определить их место среди центральных и периферийных русских говоров, но и увидеть их специфику и в более широком масштабе – в пределах Славии при разграничении «архаических» и «неархаических» зон славянско-неславянской языковой интерференции. См.